

иван калашников

дети на дороге

рассказы

16+

Иван Калашников

Дети на дороге

«ЛитРес: Самиздат»

1992

Калашников И.

Дети на дороге / И. Калашников — «ЛитРес: Самиздат», 1992

Сборник малой прозы, написанной автором в период с 1992 по 2009 годы. Истории любви, жизненные истории, социальная фантастика, остросюжетный детектив – всё это в сборнике рассказов Ивана Калашникова «Дети на дороге».

© Калашников И., 1992

© ЛитРес: Самиздат, 1992

Содержание

Уроки Терпения	5
Вторая причина	12
Большие горо-ДА!	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Уроки Терпения

Ранним октябрьским утром доктор Джаз проснулся в двух километрах от города на высохшей к этому времени года траве. Проснулся он уже давно, однако глаза раскрывать не спешил. Сверху он был похож на убитую летучую мышь – так причудливо разметался по земле его плащ цвета мокрого асфальта; может, цвет плаща назывался как-то иначе, но сам Джаз представить себе мокрый асфальт мог не всегда.

Наконец, он раскрыл глаза. Перед ним во всём величии красовался жёлтый пучок травы. Если бы по нему полз муравей, можно было бы запросто почувствовать себя Гулливером в стране великанов.

Пренеприятное ощущение – мобильный телефон в боковом кармане. Особенно если ты – Гулливер в стране великанов.

– Алло! – прошептал ему в ухо милый девичий голос, заставивший почувствовать дикую зависть оттого, что кому-то сегодня утром может быть хорошо...

– Можно поговорить со Стивой?

– С Константином Дмитриевичем? Одну минуту...

Девушка положила трубку на стол аккуратно, подошедший же Стива схватил её с таким грохотом, что у Джаза мозги едва не вытекли через уши...

– Да! – выстрелил-выкрикнул Стива.

– Привет, Стива, – как можно мягче сказал Джаз.

– Джаз, ты, скотина, полтора месяца на кредите сидишь, моих родных напрягаешь, квашишь как сапожник, – откуда ты, на фиг, взялся, скажи на милость?!

– Стива, перемены есть? – осторожно спросил Джаз.

– Есть, родной, есть, – заверил его адвокат. – Раньше я тебя никогда не посылал куда-нибудь далеко-далеко?

– Нет, – растерянно ответил Джаз.

– С этого дня буду, – пообещал Стива.

– Стива, есть перемены, или нет, скажи по-человечески! – раздражённо произнёс Джаз.

– А звонить ко мне домой после полуночи в дрезину синим – по человечески?! – проорал Стива.

Между ними повисло молчание.

– Ну, прости, – Джаз переложил трубку из одной руки в другую. – Стива, так есть пере...

– Есть, сукин ты сын, есть. Работает один деятель не покладая рук...

– И как успехи?

– Пока никак, – произнёс Стива тоном уже лишённым какой-либо злобы.

– Чего ж ты разоряешься?

– А ты медали от меня ждёшь? – отозвался адвокат.

– Ладушки, – сказал Джаз. – Будут перемены – проинформируй...

– Подо...

Поздно, родной, мрачно подумал Джаз, вешая трубку...

Если полоскание рта у фонтанчика с питьевой водой можно назвать чисткой зубов, то в таком случае, Джаз тщательно умылся, почистил зубы, вытерся махровым полотенцем (носовым платком, хоть и чистым, зато с какими-то противными на вид крошками) и обернулся в поисках дворцового с чашечкой кофе в руках.

Вместо этого он наткнулся на взгляд настороженных глаз паренька, лет двенадцати. Мальчик наблюдал за Джазом, очевидно, давно, он даже оставил ради такого зрелища езду на велосипеде. Две пары глаз с разницей в десять с небольшим лет встретились. Джаз спросил:

– Который час?

Мальчик быстро пожал своими худыми плечами:

– Часов девять...

Джаз опустил голову, и сам у себя спросил: ты был счастлив по утрам в свои двенадцать лет?

Осталось узнать своё месторасположение, однако паренёк куда-то исчез. Делиться впечатлениями с родителями? Папа, папа, я видел чудовище с красными глазами и чёрными крыльями... А может он затаился где-то от беды подальше и наблюдает за Джазом своими серыми глазами?

Джаз вспомнил, у кого он ещё видел такие глаза, и ему стало грустно.

Как всегда.

– Привет, Боря.

Боря Карамелькин штурмовал пишущую машинку одним указательным пальцем правой руки. При появлении Джаза его круглое лицо расплылось улыбке «ну-ты-брат-вчера-сделал!»

– Как ты умудрился из машины выпасть? – всё ещё улыбаясь, спросил Боря.

– Как вы умудрились меня потерять, остолопы? – произнёс Джаз. – Ладно, я готовальней был, но ведь кто-то же за рулём сидел...

– Сидел, – радостно подтвердил Боря. – Юрик и сидел!

– Толстый?

– Ага.

– Тогда всё понятно, – кивнул Джаз. – Машину хоть не потерял?

– Нет, только крыло поцарапали.

– Серёга не звонил?

Боря метнул на него подозрительный испытывающий взгляд из-под густых бровей и помотал головой...

Дзи-и-и-и-и-и-инь!!!

Головной боли не было. И вещи под ногами не валялись. И в квартире никого не было кроме него самого. День начался ещё удивительнее предыдущего. Затем всё стало на свои места.

Это был Юра-толстяк. Запыхавшийся и красный, он сразу же вбежал на кухню и долго пил воду из-под крана. Джаз прошёл следом, тяжело опустился на кухонный табурет, наблюдая за коллегой.

Юра, наконец, отошел немного, опёрся о стену и выдавил:

– Серёгу завалили...

Вот так. Серёге всё же повезло – прожил на четыре дня дольше положенного. Сидел в доме друга-лесника. Лесник пошёл прицепом – умеи выбирать друзей, нечего кредиторов на ночлег пускать...

...Жил-был мальчик Серёжа со смазливой внешностью и богатым сексуальным опытом. Последствием этого опыта стала двойня. Супруга родом была из деревни. Естественно, после крестьянских хором проживание вшестером в трёхкомнатной квартире показалось ей чем-то не тем. Картины, может, на стенах не те висели. Потому в одно ухо Серёги неслись поздравительные телеграммы «Ты меня в могилу свести хочешь?!» (от матери) и «Я в этом гадюшнике всю жизнь жить не собираюсь!» (от жены). Серёга долго не думал – взял да и занял денег у тех, кто их имеет.

Кто имеет сейчас деньги?.. Правильно, юноша!

И главное, могли ведь подождать, сволочи, и год, и два, просто хотят поставить на место, таких как Джаз, Юра Карамелькин, и им подобных.

Серёга не успел отдать деньги к положенному сроку. Он не отдал бы их и через год, не отдал бы и через два... не рассчитал.

После Юры появился милиционер. С каких пор знаком? С детского сада... нет... не знаю... Не видел... нет... не-е-е-т!..

С трудом дождавшись окончания похорон, Джаз вынул из толпы Вадика-программиста и потащил его с кладбища в город. Перед прилавком Вадик колебался, Джаз – нет.

– Две литровые...

– Алё...

– Джаз, это ты, скотина?

– Я-а-а...

– Я тебя...

– Стива-а-а...

– Что?! – проорал Стива и. Наверное, разбудил свою жену, если та ещё не проснулась.

– Есть какие-ниб... перррр...

Всё, финиш.

Джаз долго пытался понять систему действий Вадика. Точнее, не систему, а логику. Система была проста: выпил и отключился. Где логика? Нет логики. Вот, полюбуйтесь: опытный программист сидит на диване, запрокинув голову назад, опустив челюсть, едва ли не до пола. Как он смог докатиться до такого состояния?..

А ты сам как докатился до такого состояния?

– Джаз, есть... Есть перемены, – сказал кто-то. В следующую секунду Джаз обнаружил, что до сих пор держит в руке телефонную трубку. А в трубке надрывался Стива. То есть Костик. То есть Константин Дмитриевич. То есть, какая разница?

– Ка... Какие перемены? – осторожно спросил Джаз, потеряв всякий интерес и к Вадиду, и ко всему остальному вообще.

– Хорошие перемены, Джаз, – устало произнёс Стива. – Завтра перезвони...

– Какое «завтра»! – закричал Джаз срывающимся голосом. – Говори сейчас!

– Я не собираюсь повторять твоей упитой голове одно и то же двести раз. Меня на это не хватит, – адвокат вздохнул. – Надеюсь уйти в длительный отпуск после всего ...

– Стива...

– Завтра, Джаз, завтра, – прервал его Стива, – и не забудь зубы почистить...

Завтра.

Всю дорогу к офису Джаз обрывал телефоны в адвокатской конторе. Костика там не было, как не было его и дома. Казалось, всё было подстроено специально, чтобы довести Джаза до критической точки безумия. Где Стива? Ушёл по делам...

...Свадьба. Без родителей и без машины с куклой. Только полупьяные друзья за спиной и кольца – тонкие, как волос. Женщина перед ними с плохо скрываемой насмешкой... вот родилось новое общество в нашей великой стране... Руки дрожали, совсем чуть-чуть, когда расписывались в свидетельствах.

Нам ведь всё по фигу, не так ли?

Так, но не стоило в это «по фигу» вмешивать государство.

Ты недостойна нашей семьи – это тесть. Кто его-то спрашивал? Раз ты недостойна его семьи, значит, он достоин нашей.

После росписи все пошли в общагу, где на выписанную материальную помощь на шестерых человек была накрыта поляна. Кого-то с осмысленным выражением на лице в тот вечер

найти было очень трудно. После танцев гости отдавались друг другу практически без разбору – какой трезвый рассудок выдержит подобное?

Один такой рассудок всё же был...

– Боря, – позвал Джаз.

– Чего?

– У тебя дети есть?

– Двое.

Пауза.

– Дважды счастливый человек, – вздохнул Джаз.

В следующий момент зазвонил телефон...

Странно... Он всегда просыпался с убийственной головной болью по утрам, а у окна сидела она и поспешно вытирала молчаливые слёзы. Вот так мы встречали утренний восход. А как он путал этажи! Это целая эпопея! Да и как их можно не перепутать, если крыша залита до самых краёв!

А потом где-то под потолком загорелся белый, засиженный мухами плафон, рядом – какое-то чужое тело, с длинными выющимися волосами и упругой грудью, а в двери...

А в двери – она.

– Я слушаю! – выкрикнул Джаз, и крик его был полон боли.

– Это Джаз, – голос на том конце не спросил, а констатировал факт: это Джаз. Старый, добрый пьяница Джаз. Можно начинать.

– Костя, где ты был?

– В Караганде, – деловито ответил адвокат. – На встрече в верхах, разумеется, где же ещё. Она звонила, Джаз. Лично.

– Кому – тебе? – изумился Джаз.

– Ну, не тебе же, сукиному сыну!

– А почему не мне?

– А ты взгляни на себя в зеркало – сразу поймёшь, – сказал ему Стива. – Она согласна, Джаз...

У него перехватило дыхание. Джаз ожидал любых трудностей, но чтобы вот так всё просто...

– Не может быть, – пробормотал он в трубку.

– Может, может, – заверил его адвокат, – просто ты её недостаточно хорошо знаешь...

Совершенно незаметно подкралась головная боль. Да что там голова – казалось, все предшествующие депрессии сконцентрировалась в одно целое под названием «боль» и вошло, проникло, как чернила растворилось в кристально чистой воде.

– Стива, подожди немного, – попросил Джаз.

– Да без проблем, – великодушно согласился тот.

Джаз откинулся на спинку стула и сжал руки в кулаки...

Странно...

Ему удалось получить диплом, а ей нет. Он вообще не встречался с ней после развода. С глаз долой – из сердца вон; ты хоть раз вспомнил о ней до того памятного вечера в 406-й комнате общежития, когда дружно отмечали очередную годовщину родной армии и военно-морского флота, когда Юра-толстяк положил тебе руку на плечо и сказал: «У тебя родился ребёнок, Джаз, – Юра улыбался. – Твой ребёнок. Твой сын...»

- Стива, – позвал Джаз.
- По-прежнему с вами, – немедленно откликнулся адвокат и Джаз понял, что его друг безгранично рад так удачно разрешившейся проблеме. Его, Джаза проблеме.
- Стива, ты сейчас занят?
- Если ты собираешься отметить это дело, я – пас, – категорично заявил адвокат.
- Да нет, – Джаз рассмеялся и не мог остановиться довольно долго. – Нет, Стива, мне кажется, нам нужно обсудить детали...
- Я слышу голос уже не мальчика, но мужа, – похвалил его Стива. – Давай ко мне...

Его лишили всех родительских прав. Ему нельзя было ни видеться с ребёнком, ни поддерживать какой-либо контакт. За всем этим виделась твёрдая рука тестя – того самого, который отрёкся от своей дочери годом ранее.

Был ещё один интересный эпизод, нечёткий как старая фотография: мальши в пёстрой вязаной шапочке гуляют перед девятиэтажным домом. Пьяный дядя подходит к мальшиу. Мальши, увидев пьяного дядю, начинает плакать и кричать...

А из дома появляется дедушка и так сильно стучит пьяному дяде по голове, что тот не выдерживает и падает на землю.

Джазу сделали предупреждение. Как если бы показали красную карточку в футбольном матче...

– Ни пуха, – лаконично сказал ему Боря и уехал на своём стареньком «Жигулёнке». Джаз посмотрел по сторонам и, игнорируя пешеходные дорожки, прямо по сухой траве устремился в глубину парка. Была половина девятого утра. Джаз чувствовал себя возбужденно, вместе с тем, сильно нервничал, ему по-прежнему казалось, что всё прошло уж слишком гладко.

Она снизошла до того, чтобы дать ему один раз увидеться с сыном. Он не собирался ничего делать, ни глупого, ни разумного, так как за прошедшую ночь дошёл до состояния, которое называется «хоть верёвки вей». Джаз усмехнулся и без труда нашёл сквер, о котором Стива так долго рассказывал ему накануне.

Докурив первую сигарету, Джаз прикурил от неё вторую. Вторую сигарету он докурив до фильтра, обжёг пальцы и губы. Напугал едва ли не до смерти старушку банальным вопросом о времени.

Джаз нервничал.

Он не хотел закончить свою жизнь так, как закончил её Серега; вместе с тем, он не хотел строить семейную жизнь на деньги родителей жены. А в этой стране самостоятельной семье места не было.

На заводе, сразу за парком, загудел гудок – ровно десять. Сквер остался без изменений, здесь была только осень и Джаз. Это обман, мелькнуло у него в голове, ты ведь поверил ей на слово, Стива? Не взяв никаких письменных обязательств? Если бы она назначила свидание на Луне, Джаз без труда добрался бы туда в течении одной ночи. Так что парк – не самый худший вариант... Стива, почему ты не взял... А может она где-то рядом, сидит и смеётся?

Джаз испуганно завертел головой по сторонам. Ага, вон она, в маскхалате за кустом шиповника, а рядом с нею ее чокнутый папаша...

И тут произошло чудо.

Прямо перед Джазом, на дорожке, появился мальчик лет пяти в пёстрой, ярко-синей курточке, в красной, с помпоном, шапочке и подвязанный в тон шапочке шарфом. Мальчик обернулся в ту сторону, откуда он появился и наклонился к небольшой лужице у бордюра. Послышался женский приятный голос:

– Женя, отойди от лужи...

Каким-то невероятным усилием Джазу всё же удалось встать в полный рост и сделать четыре, невероятно больших шага. Не он приблизился к малышу, как ему казалось, а его сын приблизился к нему. Из памяти выплыл тот самый эпизод, и Джаз подумал: сейчас он увидит меня, заплачет и убежит. Джаз испугался.

Мальчик Женя обернулся и увидел большого и взрослого мужчину. Он не испугался. Ни капельки. Ему казалось, что этот большой высокий дядя сам боится чего-то.

Тогда Джаз присел и протянул ему ладонь. Малыш посмотрел куда-то в сторону и только после протянул ему свою в ответ.

– Привет, – произнёс Джаз.

– Привет, – ответил малыш, удивительно четко выговаривая слова.

– Как твои дела? – спросил Джаз, просто потому что надо было что-то спрашивать.

– Хорошо, – ответил малыш.

После этого он вырвал руку из ладони Джаза и побежал на небольшую детскую площадку на противоположной стороне от того места, где сидел в ожидании Джаз.

– Джаз, – прозвучало в остановившемся на октябре пространстве.

Джаз обернулся.

– Привет, Ксения, – буква «с» получилась у него несколько длиннее, чем требовалось. Так он произносил её имя всегда.

Стройная, не склонная к полноте фигура. Длинные прямые каштановые волосы. Глаза цвета пасмурного неба полные какой-то доброй иронии. Победительница двух институтских конкурсов красоты. Его бывшая, сначала девушка, потом жена. Человек, искренне веривший в то, что его, Джаза, можно переделать в лучшую сторону.

– Ты по-прежнему пьёшь, Джаз? – спросила она мягким и ровным голосом.

– Есть что предложить? – отозвался он. На Ксению он смотрел не больше минуты, вновь повернулся в сторону детской площадки, наблюдая как Женя штурмует висящие на цепи качели. С корточек, однако, Джаз не встал.

Девушка рассмеялась удивительно мелодичным смехом, приблизилась, остановилась рядом с Джазом. Ему хотелось подойти и помочь своему сыну раскачать качели так, чтобы ребёнок коснулся небес, но какая-то часть говорила ему, что он не имеет на это право. Смотреть – сколько хочешь, помогать – нет.

Джаз почувствовал, как Ксения поправляет его причёску и встал, как можно менее резко.

– Что ты ему обо мне рассказывала? – спросил он, не поворачивая головы.

– О тебе не надо ничего рассказывать, Джаз, – ответила она. – Ты сам – как тяжелый и грустный рассказ... И ты сам его написал.

– Значит, он не знает, кто я такой?

– Нет, – сказала она. – И не узнает никогда. Извини, но я...

– Я понимаю, – перебил её Джаз. – Когда можно будет увидеть его вновь?

Девушка вздохнула.

– Никогда, – произнесла она, и слово прозвучало в воздухе как свист опускающегося топора. Джаз быстро перевёл взгляд на неё.

– Как это?

– Мы уезжаем, Джаз, – сказала Ксения. – Уезжаем туда, где можно прожить нормальной, полноценной жизнью.

Джаз вновь посмотрел на ребёнка. На своего ребёнка.

– Ты оставишь мне адрес? – проговорил он. – Номер телефона?

Она невесело улыбнулась:

– Чтобы однажды увидеть тебя на пороге своего дома?

– Нет, – Джаз помотал головой из стороны в сторону. – Я обещаю...

Ксения посмотрела ему в глаза, всё так же улыбаясь. Что-то общее всё же было между этими тремя людьми, оказавшимся в одно время в осеннем городском парке, какая-то неуловимая гармония. Это называлось...

Вернувшись домой, Джаз снял плащ, разулся, поставил перед раскрытым окном самый скрипучий стул и, закинув ноги на подоконник, устался в разгоравшийся золотой листвой осенний день. Чуть позже он обнаружил забытую им кучу детских сладостей на кухонном столе. Когда и где он это приобрёл – Джаз вспомнить не смог...

август, 1992 год

Вторая причина

Мягкая офисная мебель раздражала, раздражал большущий письменный адвокатский стол, сделанный из пластика, раздражало обилие канцелярских мелочей на поверхности стола и это хитрое устройство, сделанное из пластмассовых планок, висящее на окне, названное слащавым иностранным словом – жалюзи. Пальцы сжимались в кулаки, под скрип зубов выступали желваки на скулах, но Андрей знал, что причина его раздражения, незаметно переходящего в злость, отнюдь не в обстановке адвокатского кабинета, располагающего к продолжительной продуктивной беседе.

Адвокат – в миру его называли Стивой – смотрелся здесь почти смешно. Полный, краснощекий мужчина двадцати восьми лет, пытающийся изгнать из глубины своих глаз вину. Смешным он был только для Андрея, знавшего адвоката ещё со студенческой скамьи. Ты виновен, Стива, подумал Андрей, на этот раз виновен *ты* и защищать ты будешь сегодня самого себя.

Однако оттого что в этом кабинете сидел именно Стива, оттого что он был таким родным и близким, оттого что Андрей называл его Стивой, не Костиком, и уж конечно не Константином Дмитриевичем, именно поэтому раздражение не могло перерасти в злость.

– Сколько ей лет? – бесконечно устало спросил Андрей, не глядя на Стиву.

Тот почувствовал, что его последний за этот день клиент не собирается разносить офис на зубочистки, глубоко вздохнул, сложил пальцы в замок и, подняв глаза к потолку, протянул:

– Ну-у-у... Универ она закончила в прошлом... нет, в позапрошлом...

– Она училась в универе? – перебил его Андрей.

– Ну конечно! – воскликнул Стива чересчур восторженно для искренности. – Откуда она бы тебя знала?

– От верблюда, – сказал Андрей. Он поднялся со своего места, – стулья в таких офисах обычно не скрипят, – подошёл к окну. Безликий пасмурный Город открылся ему, прячась за безукоризненно чистым панорамным стеклом. Внезапно Андрей широкими шагами приблизился к адвокатскому столу, наклонился к Стиве – тому стоило труда не отпрянуть к стене.

– Зачем ей это, Стива? – негромко, но потому весомо проговорил Андрей. – И почему она пришла именно к тебе?

– Мы знакомы, – обронил адвокат.

– Рад вашему знакомству, – отозвался Андрей.

– Давно, – продолжал Стива.

– Мг, – кивнул Андрей. – Я так полагаю, дружба с песочницы?

– Как вам будет угодно, – бесстрастно произнёс Стива. – Если ты вернёшься на своё место, я расскажу тебе всё остальное.

Андрей на свой место вернулся не сразу, это было не в его правилах, держал ещё некоторое время адвоката в кресле своим взглядом.

– Ну, во-первых, – начал Стива, как только Андрей устроился на стуле, – это великолепная возможность привязать к себе мужика...

– Что? – искренне удивился Андрей. Стива вздохнул, но повторять ничего не стал.

– Во-первых, Стива, это яркий признак безумия, – сказал Андрей.

– Ну, это субъективно, – пробормотал адвокат. – Она не чокнутая.

– Тебе придется это доказывать.

– Моего слова тебе недостаточно? – вроде бы обиделся Стива.

– В таком... – Андрей замаялся, не найдя подходящего слова, – раскладе ничье слово не может быть достаточным. Из всего услышанного и увиденного я могу сделать следующие выводы...

– Само внимание, – заверил его адвокат.

– Она, или чокнутая, как мартовский заяц, или...

Андрей вдруг запнулся, нахмурился, вновь уставился за окно, замер, как будто актер в стоп-кадре.

– Или – что? – невинно поинтересовался Стива. Андрей вздрогнул при звучании его голоса, повернул голову и посмотрел на адвоката так, словно увидел его впервые в жизни.

– А что «во-вторых», Стива? – спросил Андрей...

Всё началось с места работы Андрей и продолжилось в офисе адвоката, Константина Дмитриевича. Преуспевающего адвоката, надо заметить. По специальности Андрей был филологом, но преуспевающим филологом его нельзя назвать было никак. Тем более что работал он в отрасли весьма далёкой от филологии и гуманитарности, вообще. Андрей опасался со стороны своего босса реплик вроде: «Мужики, а у меня тут деятель один пашет с высшим образованием, пошли, покажу...», но его боссу было абсолютно наплевать, кто у него работает – выпускник университета, или зэк, оттоптавший пят лет общего режима. Работает человек – и работает, много не пьёт, не опаздывает, трудолюбив, ответственен. Что ещё нужно требовательному начальнику?

Коллеги по работе изредка бросали Андрею вслед многозначительные взгляды, слишком уж интеллигентное лицо, раньше таких на фирме не наблюдалось, но потом привыкли и взгляды бросать перестали. Тем более что работа происходила не на фирме. Они производили ремонт квартир: обои – твёрдые, жидкие и газообразные, накладные потолки, пластиковые оконные рамы и сантехника, пол-паркет, линолеум, обивка деревом, покраска стен, – в общем, найти Андрея на фирме было практически невозможно.

Прежде он работал в паре с парнем ненамного старше себя по имени Юра. Воспоминание об этом партнёре вызывали у Андрея судороги на лице, как при скрипе железа контактирующего со стеклом и конвульсивное сокращение мышц всех частей тела. Юра был глуп, ленив, и – это самое страшное – болтлив. Как какая-нибудь провинциальная радиостанция на волне FM. Он болтал без умолку, – про футбол-хоккей, волейбол, женщин, мужчин, детей, кино, телевидение, дискотеки, казино. Юра был абсолютным специалистом в любой области. Он даже в филологии разбирался, – узнав это, Андрей не выдержал, выложил боссу некоторые соображения относительно несоответствия характеров у двух выявленных особей.

Босс – мужик лет сорока в кожаной куртке местами протёртой едва ли не до дыр, с вечной щетиной на лице – выслушал Андрея очень внимательно, ничего не сказал, но на следующий день Андрей работал в паре с нескладным мужичком, которого все называли Лукич. После Юры это было манной небесной, к тому же Лукич чуть ли не с пелёнок работал на стройке.

Они объявились вдвоём с Лукичем на фирме – это называлось «прийти на наряд», на самом деле, просто для того чтобы отметить – расписаться в толстом гроссбухе секретарши Нели под аккомпанемент её глупенькой улыбки, и отправлялись «на объект», как говорил Лукич. Когда Андрей уже отложил шариковую ручку в сторону, отвесил дежурный комплимент Неле и развернулся по направлению к двери, секретарша пропела:

– Андрюша, а вам звонили...

Она была немногим старше его, но называла на «вы» всех, от уборщиц до шефа. Непонятно, почему Андрей обратил на это внимание только теперь, может быть, потому что раньше их беседы не были продолжительными и продуктивными.

– Кто? – спросил он.

Неля вдруг засуетилась, начал рыться в своих настольных бумагах. Ревнует, что ли, отвлеченно подумал Андрей.

– Какая-то девушка, она не преставилась, – прошептала Неля. – Обещала перезвонить... Позже...

– Но ведь меня здесь не будет, – сказал Андрей. Кто мог позвонить сюда в половине восьмого утра?

– Я передам, если что будет нужно, – сказала она негромко, как будто приглашала к себе домой.

– Буду вам обязан, – ответил Андрей.

Это было начало. Нет ничего удивительного в том, что он не придал этому никакого значения, потому что, приехав «на объект», они обнаружили, что материал есть, но нет клея, нужно или ждать клей, или ехать самому, или ждать хозяина, а если не ехать, и заняться сан-техникой, половины инструментов всё равно не хватает, но Лукич может сделать всё вообще без инструментов и, если хозяин не появится до обеда то...

Насыщенный, плодотворный день для филолога!

– Стива, давай посмотрим на это объективно, – сказал Андрей, – ты же это любишь.

– Давай, – с готовностью отозвался адвокат, устраиваясь на небольшом диване. В руках у них дымилась чашка с кофе. Кофе приготовил Стива, потому что секретарша уже ушла.

– В стране разруха, – произнёс Андрей.

– Угу, – согласился Стива.

– Шахтёры стучат касками...

– Угу.

– Зарплату нигде не платят...

– Угу.

– Фабрики заводы закрываются ежедневно пачками...

– Угу.

– Уровень жизни понизился до невозможного...

– Угу.

– Что – «угу»?! – взорвался Андрей, расплескав кофе. – На кой черт ей это нужно? Деньги девать некуда?

– Ты знаешь хоть одного выпускника универа, которому некуда девать деньги? – поинтересовался Стива.

– Знаю, – рявкнул Андрей, платком вытирая ладонь, залитую кофе.

– Вот как, – произнёс Стива. – И кто же это?

– Ты.

– Действительно, – пробормотал адвокат, – Про себя я как-то забыл...

Вечером того же дня к нему домой пришёл Джаз. Андрей не видел его давно, трезвым – наверное, вообще никогда не видел. Хотя нет, на первом курсе Джаз, кажется, был почти святым. Или на втором?..

Андрей жил с родителями, его мать уже прошла стадию, во время которой всеми силами пыталась женить сына на порядочной девушке, но контролировать контакты Андрея с гостями не перестала, лицо её выглядывало из-за плеча Андрея, он был довольно высокого роста.

Джаз не поздоровался с нею, возился со шнурками своих ботинок, потому и впечатление у матери Андрея о нём сложилось неблагоприятное.

Как всегда, Джаз был немногословен и хмур. Андрей отвык от его скверной дикции, это лишний раз напомнило ему, что виделись они давно.

– Что? – переспросил Андрей, и Джаз тут же вцепился взглядом в его лицо, искал насмешки, или издевательства. Не нашёл.

– Подежурь сегодня в офисе, – повторил он. – С семи до семи. Тебя там знают, проблем не будет...

– А ты почему не можешь? – спросил Андрей.

– Стрела у меня, – Джаз не прятал взгляда, но Андрей был непреклонен и проникателен.
– Ага, – кивнул он. – Вон, матери моей расскажи – она поверит. Кому ты лапшу на уши вешаешь?

Джаз глубоко вздохнул, зажал ладони между коленями.

– Я уезжаю, – коротко пояснил он. – Ненадолго... А потом надолго...

Впервые, не за долгие годы, а вообще впервые, Андрей увидел, как засветились глаза Джаза.

– У вас компютер в офисе есть? – спросил Андрей.

– Есть, – кивнул Джаз. – И игры есть. Не соскучишься!..

Чем занимается контора, в которой работал Джаз, Андрей так и не понял. К утру ему было глубоко на это наплевать, – спал на стульях, одетым, потому что к утру резко похолодало, умылся под краном и на работу пришёл с нечищеными зубами, а впереди ждал новый трудовой день, а тело ломило от недосыпания.

Лукич решил, что он с бодуна, предложил купить лекарство, Андрей отказался, боялся активного продолжения, это было чревато потерей нынешнего партнёра и возвращения Юры. Неля о новых звонках не сообщила, о старом не вспомнила, даже глаз на него не подняла...

Всё же к обеду ему удалось почувствовать себя человеком настолько, чтобы подумать: а как Джаз собирается рассчитывать с ним за ночное дежурство, если он уехал? Он уехал не насовсем. А потом насовсем, – расслабься. Я пытаюсь, сказал сам себе Андрей.

Когда-то давно, много миллионов лет назад, на традиционной студенческой пьянке в общаге Стива, едва держащийся на ногах сказал ему: «Ты такой вот добрый, отзывчивый, с большим сердцем и душой, на самом деле делаешь всё это из жалости к нам убогим, боишься, что сядем тебе на шею, свесим ноги, – и всё равно делаешь всё, о чём тебя не попросят. Если бы ты был девушкой, Андрюша, то очень быстро стал бы шлюхой, потому что не смог бы отказать никому... из жалости к нам, мужикам...»

Он бегал тогда за Стивой по всей общаге, будущий адвокат проявил удивительную сноровку для своего состояния, всё-таки Андрей загнал его в тупик коридора на каком-то этаже, но сделать с ним ничего не смог, двинул кулаком в плечо и пошёл назад... Потому что Стива был прав. Жалко было их всех, дураков...

Оказалось, что окна открытыми они оставили зря: утренняя сырость пропитала древесину, пришлось везти её в сушилку, потянули спички, выпало ехать Лукичу, Андрей остался «на объекте», стоял перед раскрытым настежь окном. Там, за стеклянной преградой, моросил противный октябрьский дождь, невидимый глазу, но ощутимый для кожи. Андрей подбрасывал вверх молоток, вращая в воздухе причудливой траекторией, он возвращался в его кисть, рукоятка звонко шлепалась о ладонь. Процесс, требующий определённого навыка и таланта.

Да, ему было жалко их всех. Но Андрею не хотелось думать, будто делает всё это он из жалости. Он идёт навстречу, помогает, чем может – из жалости? Не много ли жалости для одного человека? Очередная форма мании величия – я добрее всех вас, пользуйтесь моей добротой. Не самая тяжёлая форма. Стива, например, бесплатно вообще ничего не делает, ни из жалости, ни по доброте своей душевной. Может быть, именно потому добился чего-то за столь короткий срок – как же, практикующий адвокат! После насыщенного периода обучения все теряли друг друга из виду, но его, Андрея, почему-то находили всегда. Нашёл Джаз, не поинтересовался даже, как у него идут дела, не рассказал, как идут дела у него самого, без предисловий вытащил из него эту самую жалость, наступил на неё ногой так, чтобы задыхаться стала...

Молоток, описав очередную плавную траекторию, опустился уже не в его ладонь, а на пол, щедро усыпанный стружкой и обрезками обоев. Андрей устремился к окну, смотрел, высунувшись наружу, в глубину двора, пристально рассматривал фигуру под большим чёрным зонтом, стоящую на асфальтированной дорожке по диагонали пересекавшей территорию ограниченную четырьмя домами. Фигура была одинока, ни единого человека не было больше вокруг, кто-

то, стоящий под зонтом, смотрел на него, так же пристально, как и он сам – Андрей чувствовал это. Почти сразу же промелькнуло воспоминание о вчерашнем звонке, подсознание связало воедино телефонный звонок и стоявшего под зонтом человека. Рассмотреть что-либо на таком расстоянии было практически невозможно, однако Андрей был уверен, что это – девушка, что он знает её, и она знает его.

Можно было крикнуть через весь двор, позвать её, что ли, но тогда иллюзия могла рассеяться, потеряется тот невидимый контакт, который связывает их сейчас. Кто ты, пронеслось у него в голове, откуда ты и зачем пришла? Молчаливый ответ стоял под мелким дождём, белел правильный овал лица укрытый зонтом. Неужели тебе тоже что-то нужно от меня, спрашивал Андрей. А в следующую секунду в квартиру, опустошённую ремонтом, с грохотом вломился Лукич с криком:

– ... твою мать, Андрюха, ты в уши тут долбишься, или чё?!!!

И пока он спускался вниз вместе с Лукичем, пока вернулся с партией высушенного леса и вновь кинулся к оконному пролёту двор оказался пуст. На этот раз – совершенно...

– Стива, ты сводник, – устало произнёс Андрей. – Ты повторяешь ошибки моей матери...

– Боже, какая прекрасная у тебя, должно быть мать! – с чувством воскликнул Стива.

– А насчёт сводника ты согласен? – быстро проговорил Андрей. Стива ответил не сразу.

Он вообще сделал вид, будто не расслышал вопроса, сидел, уставившись в стену с умным видом, толстый живот поднимался-опускался в такт дыханию.

– Нет, не согласен, – сказал, наконец, адвокат.

– Отчего же?

– Я не распевавал ей о тебе дифирамбов, – рассудительно сказал Стива. – И тебе о ней – также...

– Как же ты додумался... – начал Андрей, но Стива перебил его, недослушав.

– Я ошибся, – сказал адвокат, скорее самому себе, чем Андрею. – Я думал, что знаю тебя более чем хорошо... – он повернул голову к своему позднему посетителю. – Ты по-прежнему чувствуешь жалость ко всем нам, убогим?

Андрей промолчал, скривился на секунду, как будто съел внушительную часть свежена-резанного лимона.

– Чу-у-увствуешь, – удовлетворённо протянул Стива. – Вот тебе урок за всю твою жалость. Ты ведь не сможешь ей отказать.

– Ещё посмотрим, – упрямо произнёс Андрей. – Ты сам сказал, что не знаешь меня хорошо.

– Не знаю, – согласился Стива, – но сказать ей «нет» у тебя не получится, даже если ты сильно этого захочешь. Может быть только из принципа.

– Вот именно, – с многообещающей улыбкой произнёс Андрей...

– Привет.

– Привет, – сказал Вадик. Выглядел он очень плохо: какой-то нервный, дёрганный, еже-секундно оглядывался по сторонам. Андрею таким вот он очень понравился. Просто глаз раду-ется, святая корова!

– Как дела? – двусмысленным тоном спросил Андрей.

– А то ты не знаешь! – истерически воскликнул Вадик, выпустив из-под контроля свои голосовые связки, и в следующую секунду уже забегали по сторонам его глаза, голова вжалась в плечи...

Вадик женился на преуспевающей предприимчивой девушке. За спиной говорили, что Вадик не женился, а девушка эта самая его на себе женила, как будто приобрела в магазине дорогостоящую, разговаривавшую умными словами игрушку. Умным Вадик был только на сло-

вах. Мало того, что он умудрился изменить жене, которая его одевала и обувала, у него хватило ума сделать это факт достоянием гласности. Он обсудил подробности из ряда вон выходящего события с двумя своими близкими друзьями, а, как говорится, что знают двое, знает и свинья.

Результат – вот он. Стоял перед Андреем, немывтый, небритый, лохматый, сама жалость предстала пред ним в тот чудный дивный вечер под шепот опадающих с каштанов листьев. Вадик хотел ни много, ни мало – получить свои наиболее ценные вещи из их совместной с женой квартиры...

– И как ты думаешь, я смогу это сделать? – удивленно спросил Андрей. – Позвоню в дверь и скажу: «Извини, дорогая, можно мне взять то, что осталось от Вадика?..»

– В квартире никого сейчас нет, – суетливо пробормотал Вадик. – Она свалила в Париж вначале недели...

– Так пойди и возьми всё сам! – ещё более удивлённо воскликнул Андрей.

Вадик испуганно прижал указательный палец к своим губам, оттащил Андрей за рукав куртки в сторону.

– Меня там ждут, – почти прошептал он, предварительно просканировав в миллионный раз прилегающую территорию бульвара Стратонавтов.

– Где? В квартире?..

– Да нет же! – воскликнул Вадик. Андрей стал очередной раз свидетелем приступа паранойи.

– Они сидят снаружи, – заговорил вновь Вадик как можно более внятно, но негромко. – В квартиру она их не пустила.

– Кого?

– Братца своего и ещё какого-то пассажира, – сказал Вадик, и лицо его исказила гримаса как от зубной боли. По бульвару проехала одинокая машина, он вздрогнул, проводил её настороженным взглядом. Андрей вздохнул и сказал:

– Вадик, что тебе от меня нужно?

– Помощи, – честно признался Вадик...

Они жили с женой в обыкновенном пятиэтажном доме-хрущёвке, только с металлической подъездной дверью, домофоном и кондиционерами в каждой квартире. Ключ от подъездной двери подходил к дверям всех подъездов, об этом Андрею сказал Вадик – и не ошибся. Андрей всё надеялся получить вразумительный ответ: почему Вадик сам не проделает всю эту операцию. Тот долго ломался, изворачивался, как мог, но сказать ничего так и не сказал. Да и не нужно было. Андрей и так видел, – боится, вот и весь ответ.

Дальше – через дверь соседнего подъезда опуститься в подвал, Андрей больно ударился о какую-то трубу, наступил на кота, перемазался в паутине и пыли; когда он вылез в нужном подъезде, то уже сильно жалел, что согласился дать втянуть себя в эту авантюру. Но отступить было не в его правилах.

Следил ли действительно кто-то за домом, или это было плодом воспалённого воображения Вадика, Андрей так и не понял. На площадке, во всяком случае, никого не было, в квартире тоже – он позвонил дважды, прежде чем переступить порог чужого разбитого семейного очага. Свет зажигать он стал – на улице было достаточно светло, чтобы найти кипу дисков, компакт-дисков (музыку послушать, сволочь, захотел, мрачно подумал Андрей), бритвенный прибор, несколько книг – он наклонялся к корешкам книг, сумерки сгущались слишком быстро. Люстра здесь был величиною с обеденный стол на двенадцать персон, телевизор – со школьную доску, кровать – размером с бадминтонное поле. Чего этому уроду для счастья не хватало? Любви?

В дверь позвонили. Андрей замер в гостиной, с рюкзаком в руке, обернулся через плечо в сторону прихожей. Телеграмма? Он бесшумно подошел к цельному аккуратному куску красного дерева, вскрытого порядочным слоем лака, приложился к глазку. На площадке, переми-

наясь с ноги на ноги, стояли двое людей, широкоплечие, коротко остриженные. Знали, что кто-то наблюдает за ними через глазок, в глазок смотрели не мигая. Как они могли узнать, что я здесь, гадал Андрей без тени страха в душе. Один из стоявших за дверью отдалённо напоминал жену Вадика. Андрей знал его.

Не задавая идиотских вопросов («Кто там? – Сто грамм...»), он с усилием справился с замком. Нараспашку дверь открывать мешало хитрое приспособление, покруче цепочки, в виде какого-то рычага из тугоплавкого металла. То, что Андрей видел в дверном глазке, теперь предстало перед ним живьём, в щели, шириною в ладонь.

– Здравствуй, Андрюша, – зловеще произнёс тот, который стоял ближе к двери.

– Здравствуй, Антоша, – миролюбиво отозвался Андрей.

– Нам можно зайти? – спросил Антоша, вопросительно приподняв скудные брови.

– Я – не хозяин, – сказал Андрей, чем вызвал густое ржание обоих пассажиров

– А где хозяин? – вроде бы безразлично поинтересовался Антоша, отсмеявшись.

– Следующий вопрос, – произнёс Андрей. – Я не собираюсь перед тобой отчитываться.

– Что ты выдрючиваешься? – брезгливо процедил Антон сквозь зубы. – Кто он тебе?

Брат?

– Нет, – Андрей повёл головой из стороны в сторону. – Он пришёл ко мне и попросил помочь.

– Ты всем помогаешь?

– Стараюсь по мере своих возможностей, – сказал Андрей.

– Тогда помоги мне, облегчи мои страдания, – предложил Антоша. – Скажи мне: где эта сука начится. Хочешь, – я тебе денег дам...

– Не хочу, – отказался Андрей. – А помочь я тебе не смогу, потому что Вадик ко мне первым пришёл.

Антоша издевательски зааплодировал.

– Bravo, bravo... Клёвая рисовка. Ты забыл одну важную вещь, – сказал он.

– Какую? – настала очередь Андрея вопросительно приподнимать бровь.

– Второго выхода из квартиры нету, – очень медленно, словно разговаривая с душевно-большим, проговорил Антоша.

– Людям свойственно ошибаться, – так же медленно отозвался Андрей и захлопнул дверь перед носом Антоши.

Тот действительно ошибся, – второй выход был, Вадик проинструктировал его на это счёт. Квартира располагалась на третьем этаже, выпрыгнуть из окна и разбиться насмерть можно было только при большом желании. Максимум – вывих сустава. Но многолетний тополь, разросшийся прямо напротив окна спальни не давал реализоваться даже такому финалу.

Вниз, на клумбу, непосредственно под окном, полетел рюкзак. В нём что-то треснуло – ерунда, обойдётся Вадик без одного-двух компактов. Дальше было сложнее, – сказалось отсутствие опыта. Андрей слишком сильно разбежался, оттолкнулся ногой от подоконника, завис на мгновение между окном и тополем. А в следующий момент приложился грудью о ствол дерева. Больно...

Повторно встречаться на бульваре Стратонавтов Вадик не захотел, набил другую стрелу, в парке поликлиники. Андрей добрался туда уже затемно, фонари в парке не горели. Прождав минут двадцать под мерно гудящей трансформаторной будкой в чернильной вечерней темноте под медленно угасающим небом, Андрей уже решил, что ошибся, пришёл не к той поликлинике, или же Вадик сам что-то перепутал со страху, но вдруг из-за угла появился тощий силуэт на фоне огней Города и дрожащий шёпотом произнёс:

– Андрюха, это ты?

– Купи себе цветы, – раздражённо отозвался Андрей. Это он мог себе позволить – раздражение. – Я тут уже полчаса стою...

– Я тоже, – сказал Вадик, приблизившись к нему, – только с другой стороны. Ну, как – результативно?

– Более чем, – Андрей ткнул ему в грудь рюкзаком. Свободной рукой он массировал свою собственную грудь поверх джинсовой рубашки, неудачно всё-таки приземлился на тополь. – Антон тебе привет передал...

Услышав это, Вадик перестал рыться в рюкзаке, Андрею показалось, что он чувствует на своём лице его обжигающий взгляд.

– Вы... беседовали? – осторожно спросил Вадик.

– Ага. Через дверь, – Андрей поморщился, ёлки-палки, как всё-таки болят рёбра!

– А он тебе ничего не говорил? – продолжал допытываться Вадик.

– Говорил! – вспыхнул Андрей. – Сказал, если тебя найдёт, – скальп снимет и вместо талисмана в автомобиль повесит! Вали отсюда, надоели вы мне все, хуже горькой редьки!

Не выдержав, он первым зашагал прочь, набум прыгал по перекопанной земле, – к будке подвели новый кабель, года два, наверное, если не больше подвели, сволочи, сначала асфальт кладут, потом кабель подводить начинают, или трубы прокладывать!

Было начало десятого. Домой идти не хотелось – не, потому что там его мог ждать Антон, этот уже знает, что ничего от него не добьётся – просто, потому что не хотелось. Хотелось увидеть какие-то нейтральные лица, которые от него ничего не хотят и кому он даром не нужен. Андрей пошёл на Городок.

Был Город и был Городок, маленький развлекательный центр, окружённый студенческими общежитиями, наполненный летними кафе. Лето давно уже кончилось, но кафе – столики и стульчики под зонтиками – продолжали свое существование. Местами под одним зонтиком размещалось человек пятнадцать-двадцать за двумя бутылками колы и мороженым. Сначала официанты прогоняли таких вот посетителей, потом кроме них никого не осталось. Здесь играли в карты, вели длинные умные разговоры, целовались, слушали музыку из полусломанных радиоприёмников, рисовали друг на друге смыывающиеся татуировки, курили и продавали траву и «колёса» – здесь жило и наслаждалось жизнью скудное на денежные знаки поколение. Под потрёпанными зонтами, украшенными рекламой, клубилась жизнь, независимая от всего земного, бесполезная и безразличная к событиям вокруг них.

– Привет.

– Привет.

– Привет

– Привет

– Здорово!

– Привет

– О-о-о, какие люди без охраны!

– Привет.

– Хай!

– Привет...

Больше всего Андрей опасался дружеских похлопываний по плечу, но обошлось, им лень было подниматься со своих мест, им лень было обмениваться рукопожатиями, святая корова, куда уж там до похлопываний по плечу! Удивительно бесполезное поколение, бесконечно бестолковое поколение!

Андрей надолго нигде не останавливался, обменивался парой фраз, потому что там, в самом конце, на невысоком кирпичном турникете, загорелся взгляд голубых глаз, мельком задев его, заставляя обратить на себя внимание.

– Привет.

– Здравствуй, Мэри, – сказал Андрей.

Девушку звали не Мэри, Мариной, но вот ведь привязалось, даже сейчас он называет её только так. Парень, моложе его, догадливый, сполз с турникета, «увидимся», растворился в общей массе. Андрей не спешил занимать его место, стоял перед девушкой, сунув руки в карманы. Как будто отгораживал её от всего остального.

– Ты подстриглась, – сказал он.

– Уже давно, – она махнула рукой, длинные ресницы порхнули в воздухе.

– Как живёшь?

– Нормально.

– А в частности? – усмехнулся Андрей.

– Не для прессы?

– Не для прессы...

– Нормально, – она повторила не только слово, но и интонацию. – Ты как сюда попал?

– Мимо проходил, дай, думаю, зайду...

– М-да... – вновь порхнули ресницы. Как бабочка с голубыми крыльями. – Не с кем разделить вечер?

– Уже разделил, – заверил её Андрей. – С Вадиком...

– А-а-а... Что-нибудь получилось?

– Получилось...

Разговор набирал обороты, как снежный ком, катящийся с горы. Вскоре они уже перебывали друг друга, и вот уже он сидит рядом с нею на турникете...

– Ну почему именно я? – в сотый раз спрашивал Андрей. Стива, сосредоточенно рассматривая носки своих туфель, водруженных на стол, говорил:

– Вон, зеркало в шкафу, встань да посмотри...

Андрей тяжело поднялся с дивана, открыл дверцу. Посмотрел. Ничего особенного: высокий лоб, зелёные глаза, когда щурится – они превращаются в щели, нос с горбинкой – врождённый дефект, губы слишком часто деформируются в грустной улыбке, подбородок ничем особенным не выделяется, силу воли не проявляет. Вот когда сжимаются зубы! Тогда совсем другое дело...

– У меня что, дворянское происхождение? – поинтересовался Андрей, созерцая своё отражение в зеркале.

– Хуже, – сказал Стива. – У тебя по происхождению добрая и открытая душа...

– Настолько открытая, что она пришла ко мне и отмочила такое...

– Именно настолько открытая, – заявил Стива. – ни больше, ни меньше. Между прочим, – она могла попросить и большего...

– Например?

– Напряги башню...

«Башня» как-то не вязалась с теперешним Стивой, словечко из студенческого сленга выпрыгнуло, как швабра из нечаянно открытого чулана.

– Ты – симпатичный молодой человек – продолжал тем временем Стива, – без вредных привычек (он покосился на пепельницу с горой наполненную окурками). Ну, почти без вредных... Порядочный и ответственный. Свободный...

– Вот именно, Стива! – воскликнул Андрей. – Вот именно – свободный! Ни больше, ни меньше!..

Шуршали постельные простыни в темноте, сливались шумные дыхания двух людей, иногда слышался стон, иногда – неразборчивое бормотание или даже смех. Потом, когда за полупрозрачными шторами небо начало набираться светом, всё это закончилось. Обнажённая

стройная девичья фигурка выскользнула из-под одеяла, наполнила спальню обильным теплом, казалось, будто шторы колыхнулись именно от этого тепла, а не от движения воздуха.

Мэри удалилась из комнаты, но остался её запах в постели и вкус её губ на губах Андрея. Он знал, что она вернётся, но чувство одиночества вернулось к нему с ошеломляющей скоростью. Он высунул голову со всколоченными влажными волосами. На груди лежать было больно, он перевернулся на спину, уставился в потолок, раскинув руки в стороны. Я – птица, думал он, полетели со мною, Мэри...

– Ну и пылища, – сказала девушка, вновь появившись спальне. – Лет сто, наверное, не убирала...

Она взяла с невысокого пуфика его рубашку и проворно натянула её на себя, устроилась на краешке постели, грациозно сложив длинные стройные ноги...

Когда-то давно, много миллионов лет назад это было постоянно. Вот так вот она сидела на краю постели, только в своём собственном халате; Мэри жила с ним, убирала в квартире, которую снимали они вместе, готовила ему обеды, гладила его рубашки. Они жили вдвоём, и тогда казалось, что это будет бесконечно.

Это было естественно и понятно, – двое молодых людей живут вместе, снимают квартиру, делят ванную, кухню, туалет и спальню. Мечтают – в основном о маленьком человечке. Марина уставала от его подсознательного стремления быть полезным и нужным кому-то кроме неё. «Ты нужен мне, – говорила она. – Этого тебе мало?...» Говорила иногда со слезами, иногда раздраженно и зло, иногда полуприкрыв от утомления глаза. Она пыталась отучить его от этой дурной привычки не менее дурацкими способами, но Мэри не выдержала, когда одна из их общих знакомых подруг пришла к ним в их квартиру, которую снимали они вместе, с просьбой переночевать. Марины не было в тот день в Городе, Андрей не смог отказать их общей знакомой, в результате всю ночь слушал однозначные стоны за стенкой, а потом...

...Потом их общая знакомая наплела всем своим знакомым бесконечное множество «лживых подробностей», как любил говорить Стива, ещё один их общий знакомый. Мэри оставила его, хотя знала, что подробности действительно лживые. В их квартиру пришло общественное мнение и увело у Андрея девушку с мохнатыми ресницами и синими глазами.

Вот так...

– Мэри, я хочу видеть тебя сегодня вечером, – хрипло произнёс Андрей, невидяще пялясь в пасмурное октябрьское небо за окном.

Марина, склонившись к запylённому зеркалу, красила губы.

– Я хочу видеть тебя завтра утром, – продолжал Андрей, несмотря на ее нулевую реакцию. – Я хочу видеть тебя всегда...

Девушка бросила помаду в сумочку, звонко щёлкнула замком, подошла к нему, сидящему на пуфике, поладила по густым волосам.

– Я знаю, Андрюша, я всё это прекрасно знаю, – ласково произнесла она, – но сегодня вечером, завтра утром – может быть, почему нет? Но всегда... Кто знает, может быть, уже послезавтра к тебе придёт кто-нибудь из знакомых, а отказать им ты не сможешь...

– Смогу, – сказал Андрей и смутился, до того это прозвучало по-детски наивно и бестолково.

– Не сможешь, – с бесконечной печалью сказала Мэри...

Хорошим адвокатом был Стива, или плохим – Андрей не знал. Никогда ещё не приходилось обращаться к Стиве за услугами адвоката. Вот кольца из сигаретного дыма пускать – это у Стивы получалось на «ура». Идеально и прочно, похожие друг на друга, как близнецы, без колебаний они плыли вертикально над столом Стивы, рождённые хорошо рассчитанным дыханием...

Заворожено наблюдая за лидирующим кольцом, медленно разраставшимся, теряющим плотность, Андрей спросил:

– Стива, а кто тебе сказал, что я сейчас свободен?

Усмешкой адвокат вытолкнул из лёгких остаток дыма, с улыбкой на лице потушил почти половину сигареты в пепельнице.

– Что, Мэри опять в постель затащить удалось? – шурясь, как кот, проговорил он.

Андрей грязно выругался, что в шикарном кабинете прозвучало почти святотатством.

– Оставь её в покое, мой друг, – продолжал Стива. – Она-то уж к тебе точно не придёт с такой просьбой.

– Потому что я и не даю ей покоя, – мрачно произнёс Андрей...

К обеденному перерыву выяснилось, что у него болит уже не только грудная клетка – всё тело ломило, как всегда после активных упражнений в чужой постели. У Андрея не получалось быть пассивным с Мери, с нею невозможно быть пассивным, именно вот так, наброситься на неё, едва только хлопнет дверь квартиры, ключи от которой одолжил у приятеля, стаскивать с неё одежду, одновременно слившись с нею губами и чувствовать, как она снимает с него рубашку через голову, не глядя найти дорогу в спальню, не зажигая света упасть вдвоём на покрывало...

Видя, как его коллега морщится при каждом движении, Лукич, как всегда, сделал неправильные выводы, предложил сбегать за лекарством, Андрей автоматически отказался, даже не задумался над предложением, потому что на самом деле ему больше всего хотелось напиться до состояния древесины, когда и свои и чужие проблемы становятся изображением на засвеченной плёнке.

Но этого ему хотелось в обеденный перерыв, а после работы, когда он на негнущихся ногах шагал по коридору фирмы, ему уже ничего не хотелось. Неля разговаривала с кем-то по телефону, игнорируя их обоих. На фирме была «комната для персонала»; туда никто никогда не заходил, кроме уборщицы, там стояли шкафчики для одежды, которыми никто не пользовался, и стояли две скамьи, на которые никто никогда не садился. Андрей сдвинул их вместе, сняв куртку, лег на них лицом к серому потолку почти по стойке «смирно», руки по швам, стопы – в форме буквы «V». Закрыв глаза. Глубоко вздохнул и тут же заснул.

...Ему снилось, будто сидит он в большом аквариуме с телевизором в углу. А там, снаружи – Мэри, стучит ладонями по стеклу, слёзы бегут по красивому лицу, но он не слышит ни стука, ни звука её голоса, потому что снаружи идет проливной дождь, отчего кажется, что Мэри не плачет, это капли дождя бегут по ее лицу, белыми пятнами прижаты ладони к стеклу, а телевизор передаёт программу о случаях интоксикации у беременных женщин...

Андрей проснулся так же внезапно, как и заснул. Он долго смотрел в потолок, гадая, где же это он очутился. Затем сознание, медленно впуская в себя время, пояснило ему: ты проснулся не сам, тебя разбудили; тут же в поле зрения всплыло настороженная круглая мордочка Юры. Андрей испугался. Ему показалось, что он проспал здесь всю ночь, босс пересмотрел своё решение и сегодня Андрею придётся работать в паре с классическим болтуном. Это было хуже понижения зарплаты, потому Андрей вскочил с лавок, провёл ладонями по лицу – всё ли на месте.

– Что?! – выпалил он.

Юра, отойдя на безопасное расстояние, сказал:

– К тебе девушка пришла...

«Мэри», – мелькнуло в голове Андрея. Странно, она ведь, кажется, не знает, где он работает.

– Высокая? С короткой стрижкой? – спросил он на всякий случай. Юра нахмурился, повёл головой из стороны в сторону.

– Не-е-ет. – протянул он. – Всё неправильно. Среднего роста, волосы длинные – вот по сюда...

– Красивая хоть? – с отчаянием в голосе простонал Андрей.

– Че ты страдаешь? – удивился Юра. – Часто к тебе, что ли, девушки сюда приходят?

– Ладно, скажи: я сейчас приду, – Андрей сумел всё-таки дотянуться до бывшего партнёра, похлопал его по плечу.

Красивая, некрасивая – надо было выглядеть подобающим образом. В раздевалке был кран; Андрей умылся холодной водой, пригладил волосы, вытер какой-то ветошью туфли, посмотрел на себя в зеркало, пожал плечами...

В коридоре народу было видимо-невидимо: конец рабочего дня, кто отмечаться пришёл, кто насчёт ремонта договориться. Время от времени мелькал озабоченный босс, мазнул по Андрею взглядом, ничего не сказал. Кто же на самом деле пришел к Андрею, понять было трудно, – хоть и мало девушек было из всех присутствующих, но всё же были с длинными – вот по сюда – волосами – ни одной. В вестибюле, догадался Андрей, и, лавируя между людских тел, пересёк коридор.

Он не ошибся.

Учитывая неожиданные последствия этой встречи, позже он попытался вспомнить чувства, посетившие его во время первой оценки. Мы знакомы, мелькнуло у него в голове. И тут же – мы незнакомы, просто есть люди с такой внешностью, кажется, будто знаешь их всю жизнь. Это она стояла накануне под зонтом, там, перед домом с «объектом», на большущем дворе, на тротуаре, диагональю пересекающим это двор. Это не она стояла под зонтом, там...

– Добрый вечер, – произнёс Андрей и мысленно выругался, банальное приветствие прозвучало на редкость настороженно. Может быть, учились вместе? Да нет, кажется.

– Привет, – ответила девушка приятным, почти детским голосом, отчего он так и не смог понять, сколько ей лет. И как только она произнесла одно-единственное слово, Андрей почувствовал какое-то странное успокоение, как перед гипнозом: вы спокойны и расслаблены, мускулы тела не напряжены, дыхание ровное и глубокое... Она была на полголовы ниже Андрея, черные, как ночь волосы, плавно падали за плечи, чёлка кокетливым овалом обрамляла лоб, брови плавной дугой очертили глаза: один синий, другой – зелёный, что ещё сильнее придавало ей сходство с ребёнком. Губы – лёгкая полуулыбка. И зонт – большой чёрный зонт в руках. Это она стояла под зонтом, там...

– Нам нужно поговорить? – предположил Андрей.

– Да, – кивнула девушка. – А можно... не здесь?

А где, хотел спросить он, но вернулся с небес на землю, подумал немного.

– Там, через дорогу есть кафе...

«Через дорогу» – слабо сказано. Здесь была объездная линия с очень напряжённым движением. Пока они пересекали эту дорогу, действуя с ловкостью бойца спецназа, автомобили сновали вокруг них на страшной скорости, лишая их возможности обменяться одной-двумя фразами. Получив некоторое время на размышление, Андрей поставил на их столик – в самом углу – две чашки кофе и уверенно заявил – именно заявил, а не спросил:

– Мы знакомы.

– Да, – кивнула девушка, и полуулыбка превратилась в улыбку, очень её красящую.

– Универ? – теперь уже вопросительно.

– Да, – так же улыбаясь, кивнула она. Вот если сейчас он вспомнит её имя – это будет чудо. Ну, ну, ну как же...

– Меня зовут Оля, – произнесла девушка, видимо, расшифровав сомнение на его лице. Андрей смутился, перестал упираться локтями в поверхность стола, откинулся на спинку пластикового стула. Еще он успел удивиться – куда подевались все тучи? С утра небо застилала пасмурная пелена, а тут, как по заказу выглянуло солнце... Странно. Однако заставить себя

поверить в то, что солнце выглянуло с появлением девушки Оли с разноцветными глазами, Андрей не сумел.

Они действительно были знакомы. Участвовали в бесчисленных студенческих вечеринках в общаге, ходили по одним и тем же коридорам девяти корпусов Университета, давали на подпись зачетки одним и тем же преподам...

– Помнишь день студента? – спрашивала Оля. – Ты тогда был на третьем курсе...

Он хмурил лоб, кивал как можно увереннее. Ему хотелось смотреть на неё...

– Ты сидел, переставлял кассеты в магнитофоне...

– А магнитофон доживал свои последние дни, – продолжал он, и она кивала, улыбаясь, но это был безошибочный выстрел, потому что на других магнитофонах дискотеки в общагах не крутят.

– Мы сидели вместе на ящике из-под шоколада, – слово «шоколад» прозвучало как действительно иностранное слово. – Я подкуривала тебе сигареты, одну за другой. Ещё удивлялась – как можно столько много курить?

– Тогда можно было, – отвечал он.

Кофе стоял нетронутым.

Они вспомнили, как Жора Налимов вышел на КВН-е в женском раздельном купальнике, как горел весь второй этаж общежития номер четыре, – Оля, оказывается в нём жила, – как застучали на обнажённой студентке декана Строева и он пытался доказать, будто демонстрировал искусственное дыхание «рот в рот».

Но чем дальше шли минуты, тем воспоминания находились реже и реже. К своему удивлению, Андрей обнаружил, что он огорчён тем, что ему больше нечего вспомнить с этой девушкой. Казалось то, что он проучился пять лет в Университете, Оля была где-то рядом, а он не заметил её, – это пошло ему в ущерб. Просто она не нуждалась в его помощи, а может, и нуждалась, но гордость не позволила ей обратиться именно к нему, на помощь пришёл кто-то другой – ты всё ещё жалеешь о чём-то? Да, он жалел, хотя часто повторял, что ни о чём в этой жизни не жалеет...

Подожди, может, она пришла за помощью именно сейчас, шепнул ему внутренний голос. Андрей согласился с ним – действительно, не для воспоминаний же она к нему пришла, в конце концов. Он встал и направился за ещё одной порцией кофе. Когда вернулся, то обнаружил, что Оля больше не улыбается, исчезли и улыбка, и полуулыбка. Теперь она была серьёзна, даже строга и отвлечённо вращала зонт, чуть склонив голову набок. Андрей сел напротив, облокотился на стол и в ожидании смотрел на неё. Первым нарушил молчание всё же он.

– Мне кажется, я могу быть чем-то полезен, – Андрей выговорил это с большим усилием, но молчанием становилось невыносимым, только через три столика хохотали две размалеванные подружки, завсегдайки кафе с идиотским названием «Оскар»...

– ...Ты не пробовал посмотреть на всё это с другой стороны? – спросил вдруг Стива, засовывая тощую стопку документов в сейф.

– То есть?

– Представь себе, что жалость доступна не только тебе, – сказал Стива. – Представь себе, как будто кто-то чувствует жалость по отношению к тебе. Представь себе, что Мэри спит с тобой время от времени, потому что её жалко тебя, дурака, что на работе тебя держат, потому что, если выгнать – ты сгниешь от голода в какой-нибудь канаве... Представь себе, что все, кто приходит к тебе за помощью, делают это только потому, что им жалко тебя, одинокого и убогого...

– Ну ты и сволочь, – убитым голосом проговорил Андрей.

Стива неожиданно хлопнул тяжёлой дверцей сейфа и заорал:

– Я сволочь?! Только потому, что у меня богаче твоего воображение?! Или потому что я прав?!

– Альтруизм – антиквариат в наши дни, – одухотворённо сказал Андрей. Он слишком устал, для того чтобы орать на Стиву и ссориться с ним. К тому же адвокат так же быстро успокоился, как и закипел.

– Жертва из жалости – это не альтруизм, – сказал он. – Решать всё равно тебе самому. Не приставлять же тебе пистолет к голове...

...Где-то рядом с ними раздался непонятный стук – на свободном стуле появился её зонт, она положила его туда, возможно, потому что он мешал, возможно, просто надоел. На девушке было синее приталенное пальто с блестящими пуговицами, сейчас она расстегнула его, и Андрей бессмысленно смотрел на пацифи-ключ, висящий на её шее в качестве талисмана. Он смотрелся несколько странно в сочетании с пальто, но был небольшого размера, Андрею стоило труда разглядеть его.

– Извини, что отвлекаю тебя от размышлений, – сказал он. – У нас, очевидно, есть общий знакомый...

– Как ты догадался? – спросила Оля.

– Ты не смогла бы найти меня без... посторонней помощи...

– Смогла бы, – она должна была улыбнуться, Андрей ждал этого – тщетно. – Может не так быстро... Но нашла бы... Дело вот в чём, Андрей...

Оля перевела на него свой взгляд неожиданно потемневших глаз, заглянула ему в душу, глубоко-о-о-о, насколько это было возможно. Сейчас она признается мне в любви, устало-безразлично подумал Андрей, хотя в любви за всю жизнь ему признавались всего дважды – в школе и в колхозе, на сборе яблок.

– Я хочу родить от тебя ребёнка, – почти пропела Оля, и ему не нужно было ничего переспрашивать.

После этой встречи, едва только выплыло «Стива», с кирпичным выражением на лице Андрей проник в здание, где сидел этот жирный сукин сын. Андрей прошёл мимо охранника, обнаружил, что у этого толстого хрена уже есть секретарша. Еще он обнаружил, что она его не пускает к «Константину Дмитриевичу», он оказывается, занят, но если есть желание, то можно записаться на приём, на следующую неделю.

Не раньше.

Андрей начал орать на неё, секретарша испугалась. Вызвала какой-то потайной кнопкой охранника, вместе с охранником в приёмную заявили ещё человек пятнадцать из той же конторы, Андрей сопротивлялся, и очень широко размахивал руками, появился Стива, объяснил, что всё в порядке, такое поведение для выпускников Университета – вполне естественное явление, тем более – филологический факультет – но всё это было потом...

Под парусиновым зонтом кафе «Оскар», в лучах сюрреалистичного октябрьского солнца Андрей уставился на свою чашку с полуостывшим кофе и принялся помешивать в нём сахар пластиковой ложечкой.

– Мне можно подумать? – не поднимая глаз, спросил он...

– Насколько я понял, ты ей ничего не обещал, – деловито произнёс Стива, уже в лифте.

– Я тут же согласился, – саркастично отозвался Андрей. – Нет, конечно.

– Тут же убежал? – невинно предположил Стива, изогнув бровь.

– Ты всё-таки сволочь, – сказал Андрей. – Она – очень понятливая девушка.

– Я знаю, – пробормотал Стива.

– Поэтому она нацарапала номер своего телефона на салфетке...

– ... и убежала?

– Как тебе будет угодно, – равнодушно произнёс Андрей.

– Если ты не согласишься, – я тебе ещё таких троих подсуну, – пообещал Стива.

Андрей усмехнулся, но видел, что адвокат сказал это совершенно серьёзно. В этот момент кабина остановилась, первым вышел адвокат, – не потому что так привык, просто он был ближе к дверям.

– В случае чего – могу помочь в оформлении, – говорил Стива на пути к своей машине. – Там, претензий не имею, и всё такое прочее...

– Я ещё ничего не решил, – сказал Андрей.

– Когда-нибудь решишь, – уверено произнес адвокат. – Только не пытайся выбрасывать её из головы.

– Ты бы выбросил? – спросил у него Андрей.

– Нет, – ответил Стива. – Но она же не ко мне с этой просьбой пришла.

– А к кому?!

– Я не предлагал ей кандидатур, – сказал Стива. – Она пришла и назвала тебя...

– А какие рекомендации ты ей дашь? – вдруг спросил Андрей.

– Ты же её видел. – Стива пожал плечами. – Какие тебе нужны рекомендации? Могу только добавить, что вы друг друга стоите...

– Долбанный сводник, – проворчал Андрей. Стива вновь пожал плечами, попадая ключом в замок автомобиля.

– Тебя подвезти? – спросил он. Андрей отрицательно покачал головой...

Ты же всегда был готов помочь ближнему своему, говорил он себе, так вот тебе апофеоз твоего мнимого альтруизма. Девушка с разноцветными глазами – ближняя?! Он не помнил, чтобы на какой-то общажной дискотеке кто-то когда-то подкуривал ему сигареты, он не помнил её глаз, а забыть их невозможно, он и сейчас видел их, как будто Оля находилась где-то рядом. Если он согласится, – можно будет оставить память о своей безграничной жалости к людям: он, или она, сначала в пелёнках-ползунках, затем в ярком комбинезоне с рисунком на кармашке, потом в джинсах и футболке, после этого...

Рядом деловито заурчал мотор адвокатского автомобиля. Андрей вздрогнул, как будто очнулся ото сна, постучал костяшками пальцев в боковое стекло. Стива в ожидании смотрел на него.

– Стива, ты мне так и не сказал: а что «во-вторых»? – произнес Андрей.

Адвокат вздохнул, постучал пальцами по рулевому колесу.

– Во-вторых, она хочет, чтобы ты был с ней рядом, – сказал он и добавил после короткой паузы. – Всегда...

– Но она же не меня хочет видеть рядом, а моего ребёнка, – возразил Андрей.

На сей раз Стива проделал целый ряд трюков, от постукивания пальцев, до потягивания с амплитудой на весь салон автомобиля. Он даже прочистил горло, как будто собирался выступать перед присяжными.

– Она убеждена, что ты рядом с ней не будешь никогда, – сказал он, наконец.

– Почему это?

– Столько времени она находилась где-то рядом с тобой, – ты хоть раз её заметил? – Стива испытывающе посмотрел на него.

– Нет, – честно ответил Андрей.

– То-то же, – веско произнёс Стива. – Она не из той команды, где в привычке вешаться на шею... Давай, садись, не выделывайся.

– Спасибо, не хочу, – после минутного раздумья сказал Андрей. Он похлопал ладонью по дверце, улыбаясь, посмотрел на Стиву. – Я, пожалуй, пройдусь...

– Как хочешь...

Адвокат вывел свою машину из длинного ряда автомобилей, Андрей смотрел ему вслед, но руки его шарили в карманах пальто. Ага, вот оно – салфетка оказалась основательно измятой, но телефонный номер разобрать было можно...

октябрь, 1993 год

Большие горо-ДА!

«Дежа вю – явление из разряда неизмеримого: может быть мимолётным, а может и разрушающе-оглушающим...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.